

Ф о р м а т 2. Возможность внутренняя:
 Свойство(*a*) *M* (состояние) *X*_е, такое,
 которое каузирует
X может делать *P*,

где *P* — некоторое потенциальное действие субъекта *X* — ее агенса.

Следует отметить, что если в эти схемы ввести квалификаторы, то можно получить несколько вариантов этих форматов.

Итак, формат толкования для имен модальной семантики может быть исчислен дедуктивно с учетом специфики производного слова, а именно наличия отсылки к мотивирующей основе, а значит, и с учетом семантики последней, а также специфики модальности. Анализ рассмотренных МС показывает эффективность такого подхода, поскольку подтвердил наше предположение в отношении набора параметров для формата толкования МС со значением возможности.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл -Текст». М; Вена, 1995.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985.

ТФГ — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Фатеева Е. Д., Александрова А. П. Модальные существительные в языке // *Язык и коммуникация: изучение и обучение*. Вып. 9. Орел, 2002.

Статья поступила в редакцию 22.11.2006.

А. М. Плотникова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ГЛАГОЛОВ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОТНОШЕНИЙ

Раскрывается влияние когнитивных процессов на становление семантической структуры многозначных глаголов, выявляются и анализируются пространственные и концептуальные метафорические модели, формирующие производные значения глаголов социальных действий и отношений.

Принципиальное отличие когнитивной теории метафоры, разрабатываемой Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, от традиционных взглядов на метафору связано с осознанием метафоры как концептуального явления — спосо-

ба думать об одной области через призму другой. Метафора — это инструмент осмысления новых понятийных сфер в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному физическому опыту человека. В языке выражаются результаты метафорического осмысления мира.

Метафора рассматривается как перенос из области-источника (донорской зоны) в область-цель (реципиентная зона). Область-источник характеризуется конкретностью, антропоцентричностью и связью с сенсомоторным опытом человека. Область-цель всегда более абстрактна, она требует осмысления через апелляцию к конкретному, известному [см.: Лакофф, Джонсон, 1990]. В основе метафорического переноса лежит скорее не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Там же, 390].

При рассмотрении метафоры в когнитивном аспекте исследователи акцентируют внимание на понятийной специфике метафоры. Так, А. П. Чудинов выделяет в политическом дискурсе криминальную, милитарную, театральную и др. метафоры [см.: Чудинов, 2001]. Расширяется материал исследования: изучается метафора в сленге [см.: Розина, 2005]. Анализируется культурологическая специфика метафорических значений, рассматривается метафорическая картина мира как фрагмент языковой картины мира [см.: Резанова и др., 2001].

Использование достижений когнитивной семантики позволяет выявить регулярные метафорические модели, имеющие языковую природу, и объяснить их появление.

Материалом исследования в работе являются многозначные глаголы, имеющие в семантических парадигмах метафорические значения, понятийно связанные со сферой социальных действий и отношений (например: *вооружить* — ‘2. Обеспечить всем необходимым (орудиями, материалами и др. средствами) для какой-л. деятельности’. *опутать* — ‘3. Сбив с толку, обмануть’)¹. В класс глаголов социальных действий и отношений включаются те глаголы, которые обозначают поведение человека в обществе, его образ и стиль жизни, определяемый обществом (отношение к собственности, отношение к себе и к другим членам коллектива), ролевые и статусные взаимоотношения людей в различных социальных группах.

Пополнение социальных глаголов осуществляется за счет пространственной метафоризации глаголов движения, перемещения, помещения объекта, конкретной физической деятельности. При рассмотрении образных семантических моделей предложений с социальными глаголами Т. М. Воронина отмечает использование в качестве вторичных предикатов социальных отношений глаголов с локатив-

¹ Здесь и далее при отсутствии ссылки словарные дефиниции даются по «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб., 2000).

ными компонентами «вверху/внизу», а также других пространственных схем; наложение пространственной схемы на сферу социальных отношений помогает акцентировать социальные роли участников обозначаемой глаголом ситуации [см.: Воронина, 2001, 188].

Пространственная метафора оказывается характерной для отображения ситуаций поражения, подчинения, которые концептуализируются языковым сознанием как ограничение свободы движения: *опутать, прижать, связать, сковать, скрутить, вязать, впутать, втянуть, затянуть, засосать, тянуть, притиснуть* (Директор **опутал** рабочих целой системой штрафов; Семейная жизнь **связала** бы меня навеки). Ситуация принуждения осмысливается через обращение к ситуации изменения положения субъекта: *согнуть, сдвинуть, склонить, своротить, спихнуть* (Сухов пытался противостоять мафиозным структурам, но его **согнули**). Ситуации лишения и поражения осмысляются через движение субъекта вниз, падение: *низвергать, сбрасывать, опрокидывать, провалиться* и др. Ситуация достижения цели рассматривается через метафору движения вверх: *вознестись, выдвинуться, выкарабкаться, вылезти* и др. Различные виды поведения осмысливаются через метафоры разнонаправленного движения: *болтаться, брыкаться, вертеться, выкрутиться, извернуться, лавировать* и др. Ситуация принуждения и насилия концептуализируется в глагольной лексике через обращение к физическому воздействию на объект с нанесением ему вреда: *выпотрошить, вырвать, давить, долбить, затереть, затереть, загрызть, законопатить, замять, зарезать, зажать, наехать, нажать, наседать* и др.

Как показывает анализ наиболее значимых пространственных схем, организующих метафорические значения социальных глаголов, ключевую позицию для социальных глаголов занимает пространственная метафора кругового движения.

Семантические классы глаголов кругового движения и кругового покрытия объекта характеризуются высоким потенциалом семантической деривации, способностью к образованию множества метафорических значений, выходящих за рамки движения и покрытия и распространяющихся на сферу социальных действий и отношений: *вертеть подчиненными, крутить голову кому-л., крутить роман, завинтить гайки, крутиться в поисках работы, разговор вертится вокруг этой темы* и др. Свидетельством динамической активности этих глаголов является возникновение ряда значений в общем жаргоне: *крутить деньги, деньги крутятся, решили крутануться, накрутить проценты, раскрутить преступное дело, раскрутить звезду, раскрутить на предоплату* и т. д. Как показало исследование, в русском языке более 20 глаголов, содержащих семантический компонент «круг» и в метафорических значениях входящих в класс социальных: *вертеть, вертеться, вращать, вращаться, выкрутиться, извернуться, закружить, закружиться, закрутить, закрутиться, заиклиться, мотать, накрутиться, крутить, накрутить, накрутиться, обернуть, обвести, обкатать, окружать, оплести, опутать, прокатить*.

Анализ глаголов, содержащих в своих значениях семы «кругового движения» или «кругового покрытия» и, следовательно, репрезентирующих концепт

«круг», позволяет выделить следующие метафорические модели исследуемых метафор:

1. Двигаться по кругу — обманывать (например: *крутить* — ‘избегать прямого ответа с помощью каких-л. уловок, хитрить’). Возникновение метафоры обусловлено существующей в сознании носителей языка образной моделью, в соответствии с которой откровенному и правдивому поведению присваивается статус «прямого», а поведение хитреца, отходящего от «прямой» исходной линии, получает негативную оценку и рассматривается как «уклончивое», метафорически уподобляемое круговому движению. Обман метафорически осмысливается как ограничение свободы, связанное с круговым покрытием (*опутать* — ‘сбить с толку, ввести в заблуждение, обмануть, надуть’).

2. Двигаться по кругу — находиться в любовной связи (например: *закрутить* — ‘начать флиртовать, вступить в любовные отношения’). Основой переноса, вероятно, является заданная и заранее известная траектория движения, объединяющая движение по кругу и любовные отношения. Кроме того, актуализируется такой признак кругового движения, как его интенсивность: подобные глаголы называют любовные отношения, которые начинаются, развиваются, протекают достаточно интенсивно (ср.: **постепенно закрутилась любовь с кем-л., *закрутилась вялая интрижка*). Важной оказывается (так же, как и в предыдущем случае) и негативная оценка кругового движения как отклоняющегося от прямого («правильного») направления. Это проявляется в том, что рассматриваемые глаголы употребляются для называния социально не одобряемых любовных отношений: несерьезные отношения, связь с женатым мужчиной / замужней женщиной, «служебный роман», быстро заканчивающиеся отношения и т. д.

3. Двигаться по кругу — хлопотать (например: *вертеться* — ‘хлопотать, суетиться’). Поскольку хлопоты предполагают постоянное движение, то наиболее удачным образом, символизирующим это движение, является образ круга. В жаргоне идея кругового движения метафоризируется в область активного зарабатывания денег (*крутиться* — ‘зарабатывать деньги различными способами, проявляя предприимчивость (в противовес пассивному получению зарплаты в бюджетных учреждениях’ [СОЖ, 85]). Здесь снова наблюдается переосмысление параметров движения: интенсивность движения по кругу > активность социального действия.

4. Двигаться по кругу — управлять. Метафорические значения (*крутить, вертеть* — ‘распоряжаться по своему усмотрению’) обусловлены каузативной ситуацией исходного значения (‘заставлять, приводить в движение объект’) и характером движения объекта (перенос с «заданной окружностью траектории» на «заданное кем-л., чьими-либо приказами, распоряжениями поведение»). Любой вид управления, уподобляемый круговому движению, приобретает негативные коннотации: *крутить, вертеть человеком* означает лишить его свободы действий. Объект управления, принуждения (человек) уподобляется неодушевленному предмету, акцентируется невозможность со стороны объекта влиять на ситуацию по аналогии с неодушевленным предметом, который не оказывает активного сопротивления при воздействии на него. Подобным же образом во внутренней форме

фразеологизма *закрутить гайки* — ‘усилить требования, прибегнуть к строгостям, строгому нажиму’ связаны вращательное движение и, как его результат, укрепление, закрепление в определенном месте, что метафорически переосмысливается как ограничение, лишение свободы действий. С другой стороны, глаголами *развинтиться*, *распоясаться* и т. п. называется поведение человека, который отклоняется от общепринятого, заданного типа поведения, начинает вести себя свободно, распушено, т. е. в фокусе внимания оказывается ситуация избавления, освобождения от чего-л. ограничивающего, сдерживающего. Подчинение также ассоциируется с круговым покрытием: *окрутить* — ‘хитрыми уловками привлечь к себе, подчинить’; *опутать* — ‘лишить собственной воли, свободы действий, подчинить себе’.

5. Двигаться по кругу — находиться постоянно в одном месте (например: *крутиться*, *вертеться* — ‘постоянно находиться где-л., подле кого-, чего-л.’). В основе метафоры лежит признак равной удаленности всех точек окружности от ее центра. При построении высказываний (*Мальши крутятся возле матери. Она крутится перед зеркалом. Он вращается в политических кругах*) один из объектов попадает в фокус восприятия и расценивается как исходный (в когнитивной семантике — фон), а другой объект (фигура) способен двигаться относительно фона. Данная метафора обладает высокими порождающими способностями, потому что на ее базе происходит возникновение еще одной метафоры: движение по кругу — постоянное возвращение к исходной точке (например: *крутиться* — ‘постоянно возвращаться к одному и тому же (о разговоре, мыслях)’; *вращаться* — ‘постоянно возвращаться к чему-л. мысленно, в разговоре’). В высказывании *Весь вечер разговор вращался вокруг этой новости* в роли фона выступает новость, а в роли фигуры — тема разговора. Еще один вариант такой метафоры акцентирует движение вокруг определенной точки, причем именно «вокруг», без приближения, возвращения к ней: *вертится на языке (на кончике языка)*, *вертится в голове (в уме)* что-либо.

6. Двигаться по кругу — получать прибыль или вообще увеличивать какой-либо объект. Например: *крутить* (и его дериваты *раскрутить*, *раскрутка*, *накрутить*, *накрутка*) в жаргоне — ‘пускать деньги в оборот, чтобы они приносили прибыль и давали доход’ (СОЖ). Возникновение жаргонного значения *крутить деньги*, по мнению авторов СОЖ, связано с быстрым движением по кругу, при котором предмет удаляется из поля зрения и тут же возникает снова. Представляется, что более важным при метафорическом переносе является не позиция наблюдателя, а характер действия: оно связано с идеей движения, при котором происходит увеличение объекта и, следовательно, получение прибыли (ср.: противоположные смыслы *хранить деньги* (*деньги лежат*, т. е. находятся в ситуации без движения) и *пустить деньги в оборот* (т. е. заставить двигаться, работать). Ср. также глагол *заморозить*, которым называется ситуация «неиспользования» денег, прекращения оборота, и эта ситуация осмысливается как приведение в неподвижное, твердое состояние: *заморозить* — ‘подвергнуть действию холода, мороза, дать замерзнуть, застыть’; *застыть* — ‘сгуститься, отвердеть от охлаждения, холода’.

В основе образования значения *накрутить* — ‘надеть излишне много одежды, украшений и т. п.’ лежит эта же метафорическая модель, только целью служит не получение прибыли, а увеличение объекта.

7. Двигаться по кругу — создавать сложный объект (например: *накрутить* — ‘сделать, придумать, изобразить, наговорить и т.п. что-л. очень сложное, замысловатое, необычное’). Метафорическая модель, как и в предыдущем случае, основана на представлении о круге как совокупности слоев, движение по которым увеличивает площадь круга.

8. Двигаться по кругу — становиться известным (например, *раскрутить* — в жаргоне ‘разрекламировать, чтобы обеспечить карьеру артисту’ (СОЖ)). Метафора основана на каузативном компоненте исходного значения «приводить в движение», который, в свою очередь, обуславливает возникновение других компонентов значения: движение объекта с большей скоростью приводит к тому, что объект становится заметным, видимым, воспринимаемым. Следует согласиться с авторами БТС, которые рассматривают значение *раскрутить певца* как оттенок более общего значения *раскрутить* — ‘придать размах чему-л. народившемуся; расширить, развить’.

9. Двигаться по кругу — получать скрытую информацию (например: *раскрутить* — ‘разгадать, разобраться в чем-л. запутанном, противоречивом; раскрыть; в жаргоне — добывать информацию, выстраивать события в логической последовательности’ [СОЖ, 177]). Авторы «Словаря общего жаргона» связывают происхождение метафоры с аналогичным метафорическим значением глагола *распутывать* — ‘постепенно освобождать запутанную нить’. При такой интерпретации запутанное дело уподобляется кругу или кольцу, состоящему из слоев, освобождение от которых приводит к центру круга, в котором содержится истина. Образование жаргонных значений (*раскрутить* — ‘заставить сообщить информацию (например, на допросе)’ и *раскрутить* — ‘вынудить потратить деньги’) происходит в рамках этой же метафорической модели: одушевленный объект метафорически уподобляется чему-л. скрученному, воздействие на этот объект подобно осторожному развертыванию, при котором важно не повредить объект. *Раскрутить на допросе* или *раскрутить на покупку* — это достичь желаемого эффекта хитростью, обманом, а не насилием и проявлением власти.

10. Двигаться по кругу — приобретать завершенность (например: *закруглить* — ‘придать чему-л. законченность, стройность’; *закруглиться* — ‘сократив, привести к концу, кончить речь, выступление’). В основе метафоры лежит представление о круге как символе законченности.

Таким образом, исследуемые глаголы обладают высоким потенциалом семантической деривации и способностью участвовать в образовании тех фрагментов языковой картины мира, которые связаны с социальной деятельностью человека. Часть исследуемых глагольных метафор получает оценочные коннотации (преимущественно отрицательные), однако значительная часть метафор с оценочной точки зрения амбивалентна (*крутится в поисках работы, раскрутить певца*) или вообще не обладает коннотативным компонентом значения. Н. Б. Мечковская, характеризуя

аксиологический потенциал концепта «круг», замечает: «Если в экспрессивно-образном употреблении *низ* или *левый* — это всегда плохо, то круговые движения, как колесо Фортуны, всегда переменчивы по знаку» [Мечковская, 2000, 306].

Когнитивное рассмотрение метафоры предполагает не только выявление основных метафорических моделей с обязательным обозначением области-источника и области-цели, но и объяснение специфики функционирования метафорических выражений. Сопоставление семантической парадигмы синонимичных глаголов *крутить*, *вертеть*, *вращать* и образованных от них *крутиться*, *вертеться*, *вращаться* позволяет говорить об однотипности производных метафорических значений. Выявление моделей метафоризации также явно свидетельствует о регулярном характере метафорических переносов. Анализ глагольных метафор, основанных на реализации концепта «круг», дает возможность исследователям выявить набор топологических параметров, существенных для данного концепта:

- замкнутость круга (данный признак проявляется в семантике словосочетаний *круг знакомых*, *круг интересов* и в глагольных метафорах, например: *докладчик закрутился*);
- наличие центра (признак обнаруживается в метафорах *окружить себя единомышленниками*, *заикнуться на одной идее*);
- фигура, образуемая кривой линией (этот признак обуславливает появление глагольных метафор обмана, а также таких наименований лиц, как *вертихвостка*, *вертушка*);
- равная удаленность точек от центра и возможность увеличения круга (этот признак лежит в основе ряда жаргонных значений: *крутить деньги*, *раскрутить актера*);
- фигура, обладающая слоистой структурой (в соответствии с этим признаком круг выступает как клубок ниток, которые можно распутать, размотать: *раскрутить дело*);
- потенциальная способность к движению по заданной траектории (это наиболее существенный для метафоризации признак, который лежит в основе образования значений: *крутить любовь*, *крутиться по дому* и др.).

Эти топологические признаки взаимодействуют и легко комбинируются при образовании метафорических глагольных значений.

Кроме пространственных метафор, сфера социальных отношений пополняется за счет целого ряда концептуальных (когнитивных) метафор. В основе метафор такого типа лежит перенос конкретных наблюдаемых действий на абстрактные и ненаблюдаемые процессы. Такая метафора объединяет материальное и идеальное в его отображении сознанием человека и, следовательно, является способом концептуализации мира. При рассмотрении вектора переноса, порождающего концептуальную метафору, исследователи апеллируют к теории фреймов, в соответствии с которой составляющие фрейм типовые слоты взаимодействуют на основании общих признаков. Например, метафорическое значение глагола *дрессировать* ('приучать к строгой дисциплине, беспрекословному повиновению; муштровать') возникло в результате уподобления социального действия подчинения

дрессировке животных. В основе метафоры лежит мена актантов (в исходном значении — животное, в метафорическом значении — человек).

Изучение социальных глаголов позволило выявить типы концептуальных метафор. При выделении этих типов сначала указывается реципиентная, а затем донорская зона, являющаяся источником метафоры. Такой порядок расположения компонентов метафоры (слотов) позволяет сфокусировать внимание на тех сферах социальной жизни человека и общества, которые концептуализируются с помощью метафоры.

• **Человек в сфере социальной деятельности — животное** (*впрячь, втравить, вспоить, гнать, дрессировать, загрызть, запрячь, задергать, заклевать, затравить, захомутать, жалить, обуздать, натаскивать, натравить, оседлать, подковать, погонять, понукать, подсиживать, стравить, укротить* и др.). В основе метафоры лежит уподобление объекта воздействия (человека) животному, используемому человеком в его хозяйственной деятельности или на охоте (лошадь, собака), например: *запрячь* — '1. Упряжь соединить с повозкой, экипажем, орудием, которое необходимо тянуть; впрячь, заложить (упряжное животное). 2. Разг. Заставить работать; дать трудную работу'.

• **Человек в сфере социальной деятельности — актер** (*имитировать, импровизировать, инсценировать, лицедействовать, маскироваться, напеть* и др.). Метафоры обычно характеризуют неестественное и неискреннее поведение человека, который в социальных взаимоотношениях уподобляется актеру: *лицедействовать* — '1. Устар. Играть на сцене, быть актером. 2. Книжн. Притворяться, изображая кого-, что-л.'

• **Работа — тяжелый груз** (*взвалить, завалить, навалить, загрузить, нагрузить, свалить, сложить*). В основе образного уподобления лежит аналогическая связь «тяжелый — трудный»: *взвалить* — '1. Подняв, положить наверх что-л. тяжелое (Взваливать рюкзак на плечи). 2. Разг. Поручить, возложить на кого-л. что-л. трудное, обременительное для выполнения'.

• **Силы, способности, талант, время — деньги** (*разменять, разменяться, растратить, растратиться, вложить, тратить, расходовать*). В данных глаголах происходит метафорическое уподобление абстрактных нематериальных сущностей денежным средствам: *разменять* — '1. Обменять более крупный денежный знак на соответствующее по стоимости количество мелких денежных знаков, мелких монет... 4. Растратить попусту свои силы, способности, духовные качества'.

Следует отметить, что так называемая денежная метафора функционирует в нескольких направлениях: а) «силы — деньги» (типичное для языка осмысление абстрактных сущностей через призму более конкретного явления — денег); б) «деньги — предмет». Перенос «деньги — предмет» позволяет говорить об образном уподоблении денег объектам, которые можно перемещать (*разбрасывать, раскидывать, сорить*), в результате деньги могут *лететь* (*Деньги летели с такой скоростью, что он начинал беспокоиться*), *уплывать* или *ускользать, водиться, быть в наличии* (*Деньги у него не водились*), курсы ценных бумаг могут *падать* или *расти*. Деньги можно *поместить*, при этом они уподобляются предметам

(*класть, вкладывать*) или воде (*вливать, выкачивать, замораживать*). Разорившееся предприятие уподобляется поврежденному объекту (*лопаться, лопнуть, проваливаться, прогорать*).

Ситуации, связанные с приобретением, использованием денег в качестве средства, проецируются на другие, не денежные отношения между людьми: *обанкротиться, подкупить, расплатиться, спекулировать, страховать, страховаться, торговаться* и др. Например: *торговаться* — ‘спорить, стремясь выгадать что-л.’ (*Торговаться за право выступить*); *обанкротиться* — ‘оказаться несостоятельным в чем-л., потерпеть крах’ (*Политическая партия окончательно обанкротилась*); *страховаться* — ‘обеспечивать свою безопасность при выполнении каких-л. упреждений или работы, деятельности’ (*Монтажник должен страховаться*).

- **Социальная цель, результат социальных усилий — мишень** (*метить, нацеливать, нацеливаться, целить, промазать, промахиваться*). Метафора основана на уподоблении усилий человека, прилагаемых для достижения какой-л. цели, мишени, в которую человек стремится попасть: *метить* — ‘1. Целиться, стараться попасть... 3. Разг. Стремиться занять какое-л. положение, должность и т. п.’.

- **Выговор — удар** (*воткнуть, впать, врезать, вставить, всыпать, клеймить* и др.). В основе метафоры образное уподобление речевого воздействия физическому: *впать* — ‘1. Вставить, вделать, закрепив в чем-л. при помощи паяния. 2. Разг.-сниж. Строго наказывать, подвергнуть взысканию за какой-л. проступок’.

- **Материалы, качества — военные снаряды** (*вооружать, вооружаться, заряжать, обезоруживать*). Ситуация обеспечения кого-либо чем-либо образно уподобляется ситуации обеспечения оружием, например: *вооружить* — ‘1. Оснастить вооружением. 2. Обеспечить всеми необходимыми орудиями, материалами и др. средствами’. В основе метафоры лежит перенос с военного орудия на средства, необходимые человеку для реализации каких-либо активных действий.

- **Дела — продукты питания** (*заварить, кипеть, наварить*). В основе метафорического переноса лежит не уподобление дел продуктам, а сопоставление социальных процессов, связанных с решением каких-либо проблем, с действиями по приготовлению пищи, например: *заварить* — ‘2. Залить кипятком для получения настоя. 3. Затянуть, начать что-л. сложное, требующее хлопот, деятельности (ср. фразеологизмы *заварить кашу* — ‘затянуть неприятное, хлопотливое дело’ и *расхлебать кашу* — ‘распутать какое-л. неприятное, сложное дело’).

Как и дела, знания и сведения также могут уподобляться пище. Например, глаголы *напичкать, начинить, нашипиговать* образуют вторичные метафорические значения ‘снабдить знаниями, сведениями’. В основе метафоры лежит идея уподобления ума объекту, в который что-либо помещается (одно из частных проявлений универсальной образной схемы «контейнера»).

Глаголы приготовления пищи и глаголы принятия пищи способны проецироваться в сферу межличностных отношений. Принятие пищи может уподобляться негативному воздействию, например: *заесть* — ‘3. Известить, измучить притеснением, попреками, придираками и т.п.’ Приготовление пищи ассоциируется с ограничением проявления свободы: *мариновать* — ‘2. Задерживать кого-л. где-л., в ка-

ком-л. состоянии, звании, положении»; *упечь* — ‘выпечь до надлежащей степени, как следует. 2. Лишить свободы, подвергнув какой-л. каре’.

• **Позор** — **грязь** (*замарать, замараться, запятнать, марать*). В основе метафоры образное уподобление позора, унижительного положения, в которое может попасть человек, чему-либо грязному. Приписывание высококонравному человеку признака «чистый» и аморальному человеку признака «грязный» распространено во многих языках. Эта сопоставление, безусловно, очень значимо для русского языка и порождает ряд метафорических выражений (*чист душой, совесть чиста, чистые помыслы, чистая любовь, чистая правда, от чистого сердца; грязный политик, грязные дела, грязные деньги, грязная ложь, грязные сплетни, грязная брань*). В глагольной лексике актуализируется негативное воздействие на объект, уподобляемое покрытию грязью, например: *запятнать* — ‘1. Запачкать, оставив пятно на чем-л. 2. Опорочить, обесчестить’.

• **Социальные отношения** — **война** (*атаковать, бастовать, блокировать, бомбардировать, бороться, бунтовать, воевать, вербовать, восставать, добивать, завоевать, капитулировать, муштровать, обезоружить, оккупировать, отвоевать, одолеть, осилить, ополчиться, отразить, парировать, сражаться, сталкиваться, отступить* и др.). Военная метафора, распространяясь на различные сферы социальной деятельности, позволяет показать социальное противостояние участников или их отношение к событиям социальной жизни. Например: *воевать* — ‘1. Вести войну против кого-, чего-л.; принимать участие в войне, сражаться. 2. Стараться справиться, одолеть или отстоять кого-, что-л., затрачивая много труда, усилий; бороться’.

В данном примере видно, что в основе метафорического значения лежит не только конфликт между участниками, но и способ разрешения конфликта: «...затрачивая много труда, усилий».

Из представленных метафорических моделей три («социальная цель — мишень»; «материалы, качества — военные снаряды»; «социальные отношения — война») связаны с концептуализацией социальных отношений в терминах войны и военных отношений. Рассматривая политический дискурс конца XX в., А. П. Чудинов пишет: «...военная метафора — яркий признак отечественных политических текстов едва ли не всего советского периода существования нашей страны, причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные для России периоды. К сожалению, современная отечественная действительность в немалой степени способствует дальнейшей активизации милитарной метафоры» [Чудинов, 2001, 104].

Представляется, что источниками метафорической модели «социальные отношения — война», активно используемой в политических текстах и постоянно пополняющейся новыми языковыми единицами, являются языковые метафоры, и в первую очередь те глагольные метафоры, которые были проанализированы выше. Метафора «социальные отношения — война» приобретает статус онтологической, поскольку распространяется на различные сферы социальной жизни общества.

Таким образом, рассмотрение производных метафорических значений глаголов социальных действий и отношений в аспекте их соотношений с исходными значениями позволяет не только выявить систему регулярных метафорических переносов, но и благодаря когнитивным методам объяснить появление метафорических глагольных значений в литературном языке и в общем жаргоне.

Воронина Т. М. Образные семантические модели русских глагольных предложений: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. М., 1990. С. 387—415.

Мечковская Н. Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Лог. анализ яз.: Языки пространств. М., 2000. С. 299—307.

Резанова З. И., Мишанкина Н. А., Катунин Д. А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. Воронеж, 2003.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.

СОЖ — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встречались: Слов. Общ. жаргона. М., 1999.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.

Статья поступила в редакцию 05.12.2006.

Е. Н. Иванова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ XVIII В.: АКИНФИЙ И ПРОКОФИЙ ДЕМИДОВЫ

Статья выполнена в русле актуального направления современной лингвистики, изучающего языковую личность. Сопоставительный аспект исследования выражается в сравнении двух языковых личностей XVIII в. — Акинфия Демидова и его сына Прокофия — в плане их лексических, синтаксических, стилистических предпочтений. Источником послужили их частные письма и деловые бумаги. Материал исследования акцентирует региональную (уральскую) специфику текстов.

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 1987, 27]. Анализ совокупности текстов, принадлежащих одному человеку, позволяет выявить специфические черты языковой личности: ее отношение к языковой норме, грамматические, лексические, стилистические предпочтения и т. п.